

**Т.В. Шипунова**

**ФАКТОРЫ РИСКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ  
МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:  
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**RISK FACTORS OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUTH  
IN CONTEXTS OF EVERYDAY LIFE: RESULTS  
OF THE RESEARCH**



**Введение:** в статье показана распространенность рискогенных компонентов в некоторых повседневных контекстах – семейном, образовательном, трудовой занятости, досуговом, индивидуальном и кризисном. Рассмотрены также корреляционные зависимости между отдельными характеристиками жизненной ситуации молодых людей и их девиантной активностью.

**Обзор литературы:** использованы источники, в которых находят отражение теоретические положения и результаты исследований повседневности с точки зрения рискогенности ее компонентов.

**Материалы и методы:** метод онлайн-опроса молодежи использовался для получения эмпирических данных.

**Результаты исследования:** установлены связи между девиантным поведением и такими факторами повседневной жизни, как: ситуация в семье, наличие образцов нарушения норм в ближайшем окружении, неблагоприятные жилищные условия, девиантные/криминальные проявления в микрорайоне, неблагоустроенность и загрязненность района проживания, неуверенность в реализации своих жизненных планов, отсутствие чувства стыда за возможное совершение девиаций, виктимизация и др.

**Обсуждение и заключения:** в исследовании, с одной стороны, нашли подтверждение уже известные риски девиантного поведения, а с другой – выявлены новые факторы риска, которые не изучены российскими исследователями. Это создает перспективу для новых исследований, ставящих перед собой цель прогнозирования девиантогенной ситуации на конкретной территории – в жилом районе или учебном заведении/организации. Использование в исследованиях контекстного подхода предоставляет возможность расширить и систематизировать факторы риска в зависимости от сфер жизнедеятельности, анализировать совокупность компонентов повседневности как жизненные ситуации, которые могут выступать фоном нормонарушающей социальной активности индивидов.

*Ключевые слова:* контексты повседневности, факторы риска, жизненная ситуация, девиантное поведение, молодежь.

Для цитирования: Шипунова Т.В. Факторы риска девиантного поведения молодежи в контекстах повседневности: некоторые результаты исследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2. С.175-182. DOI: 10.24420/KUI.2018.32.13963

**Introduction:** the article shows the prevalence of risk constituents in some everyday connotations – family, education, employment, leisure, personal and critical. Correlation dependence is considered between separate characteristics of life situation of youth and their deviant activity.

**Materials and Methods:** the method of online youth survey was used to obtain empirical data.

**Results:** links between deviant behavior and family situation, examples of deviant behavior in inner circle, unfavourable living conditions, deviant/criminal activity in microdistrict, air pollution of home area, uncertainty in the implementation of their life plans, absence of guilt and shame for possible deviation, victimization have been developed.

**Discussion and Conclusions:** the study from on the one hand has confirmed risk factors of deviant behavior, from the other hand figured out new risk factors unstudied by Russian researchers. This gives opportunities for new research establishing a goal of forecasting of deviantological situation within the specified territory. The use of the contextual approach in studies provides an opportunity to expand and systematize risk factors depending on the spheres of life activity, to analyze the totality of the components of everyday life as life situations that can serve as a backdrop for normal social activity of individuals.

*Key words: everyday life contexts, risk factors, life situation, deviant behavior, youth*

For citation: Shipunova T.V. Risk factors of deviant behavior of youth in contexts of everyday life: results of the research // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2018. V.9, N 2. P.175-182. DOI: 10.24420/KUI.2018.32.13963

### Введение

В современных исследованиях при изучении факторов риска девиантного поведения молодежи находят применение идеи разработчиков теории повседневности. Так, в теории жизненных циклов (life course theories) продвигается идея, что девиантное поведение развивается как интерактивный процесс, который встроен и протекает вместе с общими жизненными циклами. Для объяснения девиаций учитываются факторы повседневной жизни, влияющие на изменения в девиантной карьере [1, с. 61]. Теория течения жизни и невыгодного положения (life course of cumulative disadvantage), имеющая основанием теорию стигматизации, в качестве центрального пункта рассматривает представление о кумулятивном невыгодном положении девиантного образа жизни. Развитие повседневной «девиантной» жизни связывается прежде всего с неудачами в таких социальных связях, как семья, школа, сверстники. Этим подчеркивается, что континуум неодобряемого обществом поведения базируется не на личностных замыслах или склонностях, а образуется в неформальных и формальных социальных интеракциях [2, с. 28-29]. Нестабильность и беспокорство, вызванные неудачами, оказывают негативное воздействие на жизнь людей и ведут при определенных условиях к совершению девиаций. Исследовательской проблемой в данном случае является изучение повседневной жизни как непосредственно переживаемого присутствия индивидов в пространстве настоящего – между прошлым и будущим. Неслучайно современные исследователи девиантности считают, что следует изучать не столько само девиантное поведение, сколько положение молодежи, жизненные ситуации, события (как компоненты повседневной жизни), которые предшествуют нарушениям норм, выступающим в виде особого рода реакций на ситуацию в момент осуществления интеракции [3, с. 30-31]. Исходя из этой идеи, исследовательской задачей будет выявление характеристик жизненных ситуаций, способных при определенных условиях выступить в качестве факторов риска нарушения социальных норм (девиаций).

### Предварительные замечания об исследовании

Под руководством автора в 2016 г. было проведено исследование, целью которого стало из-

учение положения и характеристик жизненных ситуаций молодежи Санкт-Петербурга, а также их влияния на девиантное поведение опрашиваемых. Объектом исследования выступила совершеннолетняя и несовершеннолетняя молодежь, предметом – сообщения молодежи о фактах жизни, а также их определения и оценки некоторых моментов, характеризующих жизненную ситуацию. Выборка была стихийной, однако были установлены условия участия в опросе: проживание на момент опроса в Петербурге и принадлежность к группе молодежи по возрасту (от 14 до 35 лет). В исследовании приняли участие 304 человека. Из них 28,6% составили мужчины и 71,4% женщины. По возрастному составу респонденты распределились следующим образом: 14-17 лет – 7,2%; 18-21 лет – 29,3%; 22-25 лет – 36,2%; 26-29 лет – 23,0%; 30 лет и старше – 4,3%. 163 человека указали, что они работают (постоянная или временная занятость).

В исследовании использовался метод онлайн-опроса. Основным местом размещения анкеты стала платформа GoogleForms. Планировалось, что анкета будет распространяться методом снежного кома среди участников опроса. Кроме того, предпринимались определенные усилия для продвижения анкеты в молодежную аудиторию, для чего привлекались студенты вузов. Они делали ссылки в социальных сетях и на некоторых ресурсах. В качестве образца для разработки анкеты использовалась методика, апробированная в сравнительном исследовании, проведенном в Германии и Франции [4]. Немецко-французская методика была рассчитана только на несовершеннолетнюю молодежь, поэтому анкета подверглась модификации с учетом ее адаптации к российской специфике, а также расширенному возрастному составу респондентов. Для этого было пересмотрено содержание, введены вопросы для работающей и студенческой молодежи. Помимо общих личных сведений, анкета содержала разделы, при помощи которых планировалось изучить некоторые контексты повседневной жизни. Каждый раздел включал ряд вопросов (открытых и закрытых), отражающих как объективные факты, характеризующие жизненную ситуацию респондента, так и требование субъективного определения ситуаций и их оценки.

Полученные результаты исследования обрабатывались в SPSS<sup>1</sup>, а для систематизации характеристик повседневной жизни молодежи использовался контекстный подход, где под контекстами повседневности понималась совокупность смыслов и условий, в которых протекает жизнедеятельность индивида, включенного в разнообразные отношения [5]. Контекст представляет собой смысловую структуру, позволяющую объединить несколько компонентов повседневности общей темой/содержанием, отражающей потребности индивида, которые он реализует в определенной сфере жизнедеятельности. Таким образом, контексты повседневности выступают смысловой рамкой индивидуальной активности. Компоненты контекстов могут рассматриваться в качестве факторов риска, оказывающих прямое или косвенное влияние на поведение индивидов. Факторы риска при этом понимаются как процессы, факты и признаки повседневной жизни, которые ведут к повышению вероятности негативных результатов и которые можно рассматривать как (потенциальные) детерминанты совершения девиаций.

### Некоторые результаты исследования

#### *Распространенность факторов риска нарушения социальных норм в контекстах повседневности.*

Ответы на вопросы анкеты дали информацию для выявления распространенности характеристик компонентов некоторых контекстов повседневности – семейного, основной деятельности (образовательный и/или трудовой), досугового, индивидуального и кризисного.

*Семейный контекст* включает компоненты, характеризующие: структуру и состав семьи; качество детско-родительских отношений; уровень социального благополучия семьи в целом и каждого из ее членов; условия проживания семьи; уровень доходов; проявления семейного насилия и т.д. В ходе исследования были изучены некоторые из указанных компонентов, способных стать факторами риска. Например, исследование показало, что общее число молодых людей, выросших в неполных семьях, составляет около 45% от всей выборки. Определяя отношения с родителями в школьные годы (в прошлом или в актуальном времени), 16,8% (51 чел.) всех опрошенных указали, что родители часто «наказывают/наказывали меня», еще 11,5% (35 чел.) иногда «думает/думал(а), что они меня не любят», а 8,2% считают, что родители не обращают(ли) на них никакого внимания.

Одним из факторов риска нарушения норм является экономическое положение семьи. Достаток семьи, когда молодой человек или девушка

живут с родителями или близкими родственниками, определяется в большей степени занятостью этих лиц. На момент опроса 15,8% матерей/мачех и 3,3% отцов/отчимов имели статус безработных. Еще 7,3% находились на пенсии (без подработки). Итого 26,5% (80 чел.) родителей не имеют возможности помогать своим детям. Сюда же, правда, с некоторой осторожностью, можно добавить 28,0% матерей/мачех и 12,8% отцов/отчимов, которые работают в бюджетной сфере, а также 5,3% матерей/мачех и 6,9% отцов/отчимов, занятых в некоммерческих негосударственных организациях. Учитывая оплату труда в этих секторах, можно сказать, что небольшие финансовые ресурсы родителей могут негативно сказаться на помощи ребенку в удовлетворении его потребностей, помимо минимально обязательных. Это важно, поскольку 30,9% из 298 ответивших на соответствующий вопрос живут на деньги родителей.

Несколько вопросов в исследовании были посвящены условиям проживания семьи и/или индивидов, которые, по мнению специалистов, также влияют на девиантное поведение молодых людей [6, 73-83]. Недостаточно удовлетворительными можно признать условия проживания: в родительской квартире, но не имея отдельной комнаты – 4,3% от всей выборки; проживание с родителями в коммунальной квартире – 1%; в комнате общежития с более чем двумя соседями – 3,0%; проживание у родственников – 2,6%; «где придется» – 1,6%. В сумме условия проживания 12,5% опрошенных (38 чел.) представляются недостаточно удовлетворительными. К условиям проживания относится также оценка более широкой среды – микрорайона, в котором проходит жизнедеятельность молодых людей. 14,8% высказали мнение, что «молодежи здесь не место», еще 7,3% выбрали радикальный вариант – «этот микрорайон уже давно пора снести». В итоге 22,1% участников опроса определили непригодность или недостаточную пригодность своего микрорайона для проживания молодежи. Кроме всего прочего, показателями благополучия микрорайона являются порядок на территории и безопасность проживания. Отвечая на вопрос о ситуации, участники опроса отметили, что микрорайоны, в которых они проживают, по уровню благоустройства и безопасности занимают невысокую позицию, т.к. они замусорены (отметили 83,8% респондентов), в них торгуют наркотиками (31,2%), много пьяных людей (76,1%), совершается насилие (45,7%), достаточно широко распространена проституция (14,1%), повреждается или угоняется личный транспорт (41,4%).

<sup>1</sup> Обработка данных в SPSS проведена исполнителем проекта Смирновой А.Н. под руководством автора.

При этом учитывались варианты ответов «иногда», «часто» и «очень часто».

*Контекст основной деятельности (образовательный и/или трудовой).* Исследования подтверждают влияние на формирование девиантного поведения молодежи психологического климата, агрессии и насилия, стигматизации, нарушения норм в кругу сверстников в образовательном учреждении [5]. В соответствии с теорией социальных связей эти явления могут иметь место и в трудовом коллективе [7, 55-56]. В проектном исследовании было уделено внимание некоторым характеристикам контекста основной деятельности. Так, самоотчет респондентов по вопросу об успеваемости показал, что 16,1% (30 чел.) имеют неудачи в учебе. Однако важно посмотреть на негативное определение обучения самими молодыми людьми. При объединении вариантов оценки в виде «точно подходит» и «скорее подходит» получаются следующие результаты: «меня напрягает учеба в этом учебном заведении» – 47 чел.; «учусь здесь только ради своих родителей» – 26 чел.; «учусь здесь потому, что не поступил в другое учебное заведение» – 29 чел.; «вообще не понимаю, что я здесь делаю» – 30 чел.; «хочу отчислиться» – 40 чел. В сумме было дано 172 негативных определения отношения к учебе в конкретных образовательных учреждениях.

Работающей молодежи также было предложено определить свое отношение к работе в конкретной организации. В общей сложности было высказано 162 негативных определения отношения к трудовой деятельности в организациях, в которых на момент опроса трудились респонденты. Были изучены проявления девиаций в учебных заведениях и/или в организациях респондентов. Такие проявления можно отнести к характеристике «условия труда» или «условия обучения». Участники, ответившие на соответствующий вопрос, в последние шесть месяцев наблюдали разные проявления нарушения социальных норм и правил распорядка (приводятся суммированные ответы «часто» и «очень часто», расчет в процентах от всей выборки): порчу/уничтожение имущества – 5,2%; драки/борьбу – 3,6%; наличие оружие (ножи, газовые баллончики и т.д.) – 2,3%; применение угрозы, запугивания, чтобы получить какую-нибудь выгоду для себя – 3,6%; распитие спиртных напитков – 8,6%; потребление наркотиков – 2,9%; торговля наркотиками – 1,0%; приход на занятия/на работу в состоянии алкогольного или наркотического опьянения – 5,6%; курение внутри учреждения/организации или на территории – 58,9%; унижение человеческого достоинства (обзывали, оскорбляли, отпускали циничные шутки в адрес других

учащихся/сотрудников и т.д.) – 13,9%. Итого выделен 321 эпизод, которые наблюдали участники опроса (без курения – 142 эпизода).

*Досуговый контекст.* Среди респондентов часто и очень часто в досуговое время посещают с друзьями ночные клубы и бары – 8,5% (26 чел.), еще 28,6% (87) в свободное время «просто шляют с друзьями по городу», а 12,5% (38) «часто» и «очень часто» в компании друзей распивают спиртные напитки. Для некоторой части опрошенных характерно пассивное потребление информации СМИ, включая Интернет: на просмотр телепередач от 3 до 6 часов в день тратят 17,4% (из 288 ответивших), от 7 до 12 часов – 3,9%. На поиск без особой цели разной информации в Интернете (282 ответивших) тратят более 3 часов – 9,9%, от 7 до 12 часов – 3,6%. То же самое можно сказать об общении в социальных сетях: 9,2% (28 чел.) и 6,9% (21 чел.) соответственно. Свою включенность в какую-либо группу/субкультуру обозначили 63 человека (20,7% от всей выборки). Часть групп/субкультур и совместную деятельность их членов можно отнести к девиантной ориентации. Это, прежде всего, группы, которые совершают: хулиганские поступки (напр., мелкие кражи в магазинах) – 9,6% от лиц, состоящих в каких-либо группах/субкультурах; насилие в отношении других групп (напр., избиение) – 6,4%; совместное потребление наркотиков – 6,4%; частое потребление спиртных напитков – 11,1%.

*Индивидуальный контекст.* В данном контексте нас интересовала распространенность случаев нарушения социальных норм знакомыми или близкими людьми, поскольку эти примеры могут стать рисками совершения девиаций молодежи. Наиболее частыми нарушениями среди родственников или знакомых участников опроса являются: кража в магазине – 36,2% (110 ответов); порча имущества в общественных местах – 35,2% (107 отв.); покупка и потребление наркотиков – 31,2% (95 отв.); взятка в учебном заведении – 28% (85 отв.); взятка чиновникам, госслужащим – 24% (73 отв.); избиение с причинением вреда здоровью – 17,7% (54 отв.). Обращают на себя внимание ответы по поводу торговли наркотиками – 9,6% (29 отв.), а также кражи у знакомых/родственников/друзей (8,6% – 26 отв.) и совершение уголовных преступлений – 10,5% или 32 отв.

К индивидуальному контексту был отнесен и личный девиантный опыт. 94,1% респондентов отметили, что нарушали какие-либо запреты. При этом 27% (82 чел.) делали что-то запрещенное хотя бы раз в своей жизни, а 67,1% (204 чел.) – в предшествующие шесть месяцев. Существуют различия в частоте девиантных практик по возрасту и полу. В предшествовавшие опросу полгода

более активно совершали девиации молодые люди в возрасте 18-29 лет (до 70%). Ниже процент девиаций у подростков 14-17 лет (50%) и молодежи 30 лет и старше (39%). Некоторые результаты по видам нарушений норм сопоставимы с теми образцами девиаций, которые совершаются в кругу родственников, друзей и хороших знакомых. Так, хотя бы раз в жизни участники опроса:

✓ совершали кражу в магазине – 32,9% (100 чел.);

✓ испортили имущество в учебном заведении, на работе и т.д. – 39,5% (120 чел.);

✓ принимали наркотики – 22,4% (68 чел.);

✓ давали взятку – 18,1% (55 чел.);

✓ избили кого-то, причинив вред здоровью – 21,1% (64 чел.).

Вариант девиантной активности под маркировкой «продавал(а) наркотики» остался без ответа. Возможно, это связано с опасением участников опроса стать предметом преследования, поскольку такие сведения могут автоматически отслеживаться в Интернете.

Обращают на себя внимание такие достаточно широко распространенные девиации, как: подделка документов – 26% или 79 человек (4,6% в предшествовавшие опросу шесть месяцев); порча транспортного средства – 24,3% или 74 чел. (2,0% соответственно); кража у человека вещи или денег – 19,4% или 59 чел. (1,0% соответственно); дача взятки – 18,1% или 55 чел. (3,6% соответственно); кража на работе – 15,1% или 46 чел. (2,3% соответственно); угон транспортного средства – 10,9% или 33 чел. (1,6% соответственно); занятие проституцией – 6,3% или 19 чел. (1,3% соответственно).

В анкету был введен вопрос о предполагаемых ситуациях совершения проступков с просьбой определить, насколько респондентам было бы стыдно, если бы об этом узнали разные лица. Сам вопрос базировался на положении теории стыда и воссоединения, в которой стыд рассматривается как важное средство для осуществления неформального социального контроля и самоконтроля [7]. Респондентам нужно было высказаться по поводу гипотетически совершенных проступков: кража в магазине; избивание человека с причинением физического вреда; ложь, причинившая вред другому человеку; дача взятки; присвоение оригинальной идеи. Большинству опрошенных было бы стыдно за содеянное с разной степенью интенсивности. Более всего стыдно было бы перед родителями и другими родственниками, любимым человеком, пострадавшим и его родственниками. Вместе с тем далеко не все участники опроса стыдились бы своих поступков. Так, в случае кражи в

магазине совершенно не стыдно перед родителями было бы 23 молодым людям (7,6% ответивших). Перед другими родственниками – 29 чел. (9,5%). Перед любимым человеком не ощутили бы стыда 27 чел. (8,9%). Еще меньше ощущался бы стыд перед друзьями (99 чел. – 32,6%), одноклассниками/однокурсниками (41 чел. – 13,5%), сотрудниками магазина, т.е. пострадавшими (55 чел. – 17,8%). В случае избивания человека с причинением ему физического вреда вариант «совершенно не стыдно» перед разными лицами выбрали: 41 чел. (13,5%) – перед родителями; 52 чел. (17,1%) – перед другими родственниками; 60 чел. (19,7%) – любимый человек; 53 чел. (17,4%) – родителями избитого человека; 72 чел. (23,7%) – коллегами по работе. Интересны результаты, полученные по оценке стыда за ложь, причинившую вред другому человеку. По убывающей совершенно не стыдно было бы перед: соседями (28,3% – 86 чел.); коллегами по работе, учителями, одноклассниками/однокурсниками (16,4% или 50 чел.); родственниками (13,2% – 40 чел.); друзьями (8,2% – 25 чел.); родителями (7,6% – 23 чел.); любимым человеком (6,9% – 21 чел.). Менее всего респондентам было бы стыдно перед родственниками и другими лицами за то, что дали взятку. За это совершенно не стыдно было бы перед: соседями (44,7% – 136 чел.); одноклассниками/однокурсниками (38,8% – 118 чел.); коллегами по работе (37,8% – 115 чел.); друзьями (34,9% – 106 чел.); любимым человеком (29,6% – 90 чел.); родителями (28,9% – 88 чел.). Наверное, эти данные в какой-то мере свидетельствуют о распространенности взяточничества в повседневной жизни.

К индивидуальному примыкает *кризисный контекст*. Возникновение кризиса, особенно в молодежном возрасте, может быть обусловлено разными причинами. Исследователи считают, что для молодежи в условиях экспрессивной современной реальности характерны экстремальная противоречивость усилий и в целом – жизни, ориентированной на будущее [8, 50]. Ситуация кризиса может возникнуть в результате внутреннего конфликта, произрастающего из противоречивых требований к человеку разными социальными группами, к которым он причастен (теория конфликта), вследствие возникновения противоречий в мотивационной сфере человека (теория диссонанса) или как реакция на невозможность получения желаемого законными путями и возникновение на этой почве кризиса (теория напряжения). В таких случаях индивиды впадают в состояние фрустрации и могут предпринять попытку удовлетворить свои желания незаконными путями. В исследовании компоненты кризисного контекста рассматривались

сквозь призму ответов на вопросы: об уверенности/неуверенности в осуществлении жизненных планов и опыте виктимизации.

Большинство ответивших на вопрос «Уверены ли Вы в осуществлении своих жизненных планов?» смотрят в будущее с оптимизмом. Но есть и такие, для кого будущее связано с тревогой и неуверенностью – 39 чел., со страхом и отчаянием – 10 чел., иначе говоря, для 49 ответивших ситуация оказывается негативной. Еще 23 человека вообще не задумываются о будущем, живут сегодняшним днем. Сомнение в осуществлении планов для большинства респондентов связано с социальной обстановкой в стране (можно было отметить несколько вариантов): невозможностью прогнозировать и планировать свою жизнь – 18,4%, плохими экономическими условиями (низкая зарплата, низкий уровень жизни и т.д.) – 16,4%, нестабильной социальной, экономической и политической ситуацией – 16,1%. Кроме того, препятствиями выступают: недостаточная помощь молодежи со стороны государства – 10,2%, социальная незащищенность – 9,2%, невозможность найти работу по специальности – 8,2%.

В анкете был также вопрос о становлении жертвой (по субъективному восприятию ситуации виктимизации). При ответе на вопрос предлагалось обозначить ситуацию вообще и в последние шесть месяцев. Результаты исследования показали, что большое число молодых людей было виктимизировано разными способами. В общем и целом, ответившие на вопрос хотя бы раз были жертвами: оскорблений в общественных местах, по телефону и в Интернете – 84,8% (258 чел.); физического насилия, включая попытку убийства – 50,6% (154 чел., из них попытку убийства отметили 18 чел.); сексуальной виктимизации, в том числе изнасилования – 24,3% (74 чел., из них 15 было изнасиловано).

*Связи между компонентами контекстов  
и девиантным поведением молодежи.*

Для выявления таких связей респонденты были разделены на группы по степени девиантной активности, включающей в себя наиболее деструктивные виды поведения, а именно: взлом/угон транспортного средства, кражи, употребление наркотиков, насилие, проституция, шантаж и т.п. Затем респонденты были сгруппированы по количеству совершенных ими нарушений: 1) контрольная группа (К), в которую вошли лица, не отметившие совершение деструктивных актов (33,9% от всей выборки); 2) группа «случайных» нарушений (СН) – респонденты, совершившие один или два вида нарушений (28,9%); 3) группа с «устойчивыми» девиациями (УД), объединившая

респондентов с высоким уровнем девиантной активности – до 15 девиаций (37,2%).

Далее были отобраны наиболее значимые факторы риска, которые объединялись в несколько групп по частоте их указания в ответах респондентов. Результаты анализа показали, что количество факторов риска растет от контрольной группы к группе респондентов, проявляющих «устойчивые девиации». 70% респондентов группы К и половина респондентов группы СН отметили до 10 факторов риска, в то время как 63% группы УД указали более 10 факторов риска, из них свыше четверти – более 20. Максимальное число рисков было отмечено именно в данной группе – до 78. В группах К и СН только по одному человеку отметили 35 и 42 фактора соответственно.

Количество факторов риска различается в разных контекстах и в разных группах. Так, процент отметивших деструктивные проявления родителей и переживания, связанные с этим, растет от контрольной группы к группе устойчивых девиаций (21,9% – К, 28,4% – СН, 34,8% – УД). Представителей группы УД родители часто наказывали – 15,5% (в группе СН – 14,2%, а группе К – 9,8%). 47,7% респондентов группы СН, 46,9% группы УД и 37,9% группы К отметили неблагоприятные условия проживания, а также наличие девиантных и криминальных проявлений в микрорайоне. Больше всего факторов риска было выделено представителями группы УД: 52,8% респондентов этой группы отметили более 3 факторов риска неблагоприятных жилищных условий. Представители этой группы также более часто встречаются с нарушениями норм в микрорайоне. 46,1% из них часто или очень часто отмечают грязь в районе проживания, 31,9% – очень пьяных людей, торговлю наркотиками и насилие (по 14,2% в каждом случае).

В целом по выборке не выявлено особых различий в структуре факторов риска досугового контекста представителей разных групп. Можно только отметить, что у 44,3% респондентов группы СН, 40,7% – группы УД и 39,8% – группа К выявлены те или иные факторы риска, связанные с проведением свободного времени, а именно: чрезмерное по времени пребывание в сети Интернет или у экрана телевизора, вовлеченность в деструктивные субкультуры, в которых совершаются хулиганские поступки, насилие, частое употребление спиртных напитков или наркотиков.

Иная ситуация складывается, когда речь идет о факторах риска, связанных с наличием примера девиаций в ближайшем окружении молодых людей. Здесь выявлено серьезное отличие группы респондентов, проявляющих «устойчивые» девиации (УД): 85% респондентов в той или иной

степени отметили наличие «девиантного» окружения. Лишь ненамного отстают от них представители группы СН – 64,8%. В контрольной группе подобное отметили 40,8% респондентов. При этом 65,7% респондентов группы УД отметили совершение близкими более трех разных нарушений (35,7% в группе К и 47,4% в группе СН). Среди видов нарушений, совершенных близкими или знакомыми, выделены: преступления, связанные с наркотиками (36,3%), взятки (31,9% в учебном заведении и 25,7% – чиновникам), кражи и порча имущества.

Кризисный контекст был рассмотрен через распространенность в группах фактора виктимизации. 87,5% молодых людей группы СН встречались со случаями насилия: 64,8% – хотя бы раз в жизни, 22,7% – в последние шесть месяцев. Наиболее высокие показатели выявлены в группе УД (91,2%). 60,2% представителей этой группы становились жертвами хотя бы раз в жизни и 30,0% – в последние шесть месяцев. Причем половина группы УД сталкивалась с насилием от четырех до сорока раз (в группе К – один-два раза).

Наблюдается небольшое различие в оценке возможности реализации личных планов. Неуверенность и отсутствие планов отмечается у 23,9% группы УД. В группе СН этот показатель выше – 25,0% (в группе К – 19,4%). Интересно также, что представители группы УД продемонстрировали высокую степень отсутствия стыда в игровых ситуациях совершения девиантных поступков. Три человека признались, что они не испытывали бы чувство стыда ни за какие нарушения запретов. Вместе с тем более половине молодых людей из всех групп в случае совершения кражи было бы стыдно перед родителями, почти половине – перед любимым человеком и друзьями. А вот в случае дачи взятки около трети респондентов группы СН и почти половина группы УД отметили, что им совершенно не было бы стыдно.

### **Заключение**

В исследовании были получены данные, свидетельствующие о достаточно широкой распространенности неблагоприятных характеристик контекстов повседневности опрошенной молодежи, способных стать факторами риска девиантного поведения. Поскольку выборка была стихийной, это затрудняет перенос полученных результатов на всю молодежь Петербурга. Однако некоторые данные являются важными для изучения феномена нарушения социальных норм, т.к. они указывают на взаимосвязь факторов риска и деви-

антных проявлений, но практически не изучаются российскими исследователями. Речь идет прежде всего о связи девиантного поведения с такими факторами, как: неблагоприятные условия проживания, девиантные и криминальные проявления в микрорайоне, неблагоустроенность и загрязненность района проживания, неуверенность в реализации своих планов, отсутствие чувства стыда в гипотетических (игровых) ситуациях совершения девиаций. Помимо того, в исследовании нашли подтверждение другие часто изучаемые факторы риска девиантного поведения в виде ситуации в семье, образцов нарушения норм в ближайшем окружении и т.д. Но если данные исследования подтверждают уже изученные взаимосвязи, то не дает ли это нам право предположить, что выявленные новые факторы риска также имеют универсальный характер и могут быть распространены на всю совокупность молодежи (как минимум, в качестве тенденций)? Данный вопрос заслуживает внимания хотя бы потому, что открывает новые перспективы для исследований, ставящих перед собой цель прогнозирования девиантогенной ситуации и организации первичной профилактики на конкретной территории (в жилом районе или организации). Интересными новым для отечественной практики, с нашей точки зрения, является и способ группирования результатов исследования по контекстам повседневности. Контексты повседневности формируют жизненные ситуации индивидов, которые можно рассматривать как особые социальные поля, порождающие эмерджентные качества в виде набора смыслов, структурирующих и направляющих взаимодействия между людьми. Контекстный подход, опирающийся на методологию повседневности, не противоречит традиционному изучению рисков, но дополняет его. Он дает основание для дальнейших исследований, предоставляя возможность: расширить и систематизировать факторы риска в зависимости от сфер жизнедеятельности, выделенных по принципу смысловых рамок для разрозненных фактов; рассматривать не только прямое, но и косвенное воздействие факторов риска; анализировать совокупность компонентов повседневности как жизненные ситуации, которые могут выступать фоном социальной активности индивидов, включая девиантную; конструировать разные контексты и их характеристики (= факторы риска), помогающие рассматривать ситуации, предшествующие возникновению девиантного поведения и девиантности.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschrittdeder internationalen Kriminologie.– Münster: Lit. 2001.
2. Boers K., Reineke J. (Hrg.). Delinquenzim Jugend alter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie. – Münster: WaxmannVerlag GmbH, 2007.
3. Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungs lehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung.– Landwaden: BernardusVerlag, 1998.
4. OberwittlerD., SchwarzenbachA., GerstnerD. Polizei und Jugendliche in multiethnischenGesellschaften: Ergebnisseder Schulbefragung 2011 „Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen“ in Köln und Mannheim.– Freiburg im Br.: Max-Planck-Institutfürausländisches und internationals Strafrecht, 2014.
5. Bernecker-Wolf A., Hutz P., Lauer H., Nowotny E., Thyen U., Wolff R. Kindes mis shandlung. Erkennen und Helfen.–Berlin: Kinderschutz-Zentrum Berlin, 2000.
6. Oberwittler D. Wohn quartiere mit konzentrierten sozialen Benachteiligungen können zur Verschärfung der Jugend delinquenz beitragen. Neue Erkenntnisse zu sozialraumlichen Kontext effekten // Recht der Jugend und des Bildungswesens. 2008.№ 1. S. 73–83.
7. Брейтуэйт Д. Преступление, стыд и воссоединение. М: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
8. Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialenWandel. – 3. Aufl. – Weinheim; München: Juventa Verlag, 1997.

### REFERENCES

1. Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschrittdeder internationalen Kriminologie.– Münster: Lit. 2001.
2. Boers K., Reineke J. (Hrg.). Delinquenzim Jugend alter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie. – Münster: WaxmannVerlag GmbH, 2007.
3. Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungs lehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung.– Landwaden: BernardusVerlag, 1998.
4. Oberwittler D., SchwarzenbachA., GerstnerD. Polizei und Jugendliche in multiethnischenGesellschaften: Ergebnisseder Schulbefragung 2011 „Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen“ in Köln und Mannheim.– Freiburg im Br.: Max-Planck-Institutfürausländisches und internationals Strafrecht, 2014.
5. Bernecker-Wolf A., Hutz P., Lauer H., Nowotny E., Thyen U., Wolff R. Kindes mis shandlung. Erkennen und Helfen.–Berlin: Kinderschutz-Zentrum Berlin, 2000.
6. Oberwittler D. Wohn quartiere mit konzentrierten sozialen Benachteiligungen können zur Verschärfung der Jugend delinquenz beitragen. Neue Erkenntnisse zu sozialraumlichen Kontext effekten // Recht der Jugend und des Bildungswesens. 2008.№ 1. S. 73–83.
7. Brejtuehjt D. Prestuplenie, styd i vossoedinenie. M: MOO Centr «Sudebno-pravovaya reforma», 2002.
8. Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialenWandel. – 3. Aufl. – Weinheim; München: Juventa Verlag, 1997.



**Об авторе:** Шипунова Татьяна Владимировна, доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: shtatspb@yandex.ru

© Шипунова Т.В., 2018

Статья получена: 22.03.2018. Статья принята к публикации: 15.06.2018.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2018.

**About the author:** Shipunova Tatiana V., Doctor of Sociology, Professor of the School of Sociology, St. Petersburg State University.

e-mail: shtatspb@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.